

Послесловие научного редактора и переводчика

Зигмунт Бауман принадлежит к числу тех определяющих “лицо” социологической науки сегодня ученых, которых невозможно представить с помощью привычных клише вроде “известный польский социолог” или “выдающийся британский социолог”. Социология Зигмунта Баумана, не претендуя на абсолютную завершенность “системы” или “направления” в теории с целой “школой” последователей, являет собой особый образец социологической культуры, который нельзя свести ни к одной из известных парадигм, ни к какой-либо их эклектической комбинации. Волею судеб ему на собственном опыте довелось испытать и фашизм, и социализм польского образца, а после эмиграции в 1968 г. в Англию — и современный капитализм. Маргинальное положение З. Баумана по отношению к различным культурам и режимам позволяет ему сохранять критическую дистанцию наблюдателя, знающего ситуацию изнутри каждого из социумов, способного и сопереживать, и анализировать, и сопоставлять их проблемы, благодаря чему его социология способна выполнять функцию социальной рефлексии *par excellence*. Уровень этой рефлексии у З. Баумана не ограничивается эпистемологическими рамками социологии как научной дисциплины; это, скорее, экзистенциальная рефлексия, стремящаяся дать ответ на вопрос не только о том, как социология получает знание об обществе, но и о том, как возможно и чем оправдано ее существование в обществе.

Сверхзадачей и фундаментальным вопросом, который призвана решать социология в современном мире и который придает особую гуманистическую направленность социологии З. Баумана, является вопрос человеческой свободы — как ее обрести и как ею распорядиться. Власть и культура в современном обществе становятся основными областями социологического теоретизирования. Многочисленные книги З. Баумана (а их более 60) так или иначе сосредоточиваются на этих вопросах.

Систематический анализ современного общества в разнообразных его проявлениях, обусловленных нерасторжимой взаимосвязью власти и культуры, представлен в трилогии “Законодатели и интерпретаторы” (*Legislators and Interpreters: On Modernity, Post-modernity and Intellectuals*. Cambridge: Polity Press, 1987), “Современность и Холокост” (*Modernity and the Holocaust*. Cambridge: Polity Press, 1989) и “Современность и амбивалентность” (*Modernity and Ambivalence*. Cambridge: Polity Press, 1991).

Культура как практика, как действие (в Марксовом понимании), как двуединый процесс закрепления структуры и структурирования; асимметричная структура власти; социальный контроль в современном обществе и роль интеллектуалов; кризис современного “общества потребления” и “процесс децивилизации”; переход к “постмодернизму”, который в последней из упомянутых работ З. Бауман определяет как “модернизм, смилившийся с собственной невозможностью” (*“Modernity and Ambivalence”*. Р. 272); геноцид как непереносимый спутник современной технократической цивилизации; социальные функции утопии в современном обществе; “досоциальные основания нравственного поведения”; социальный порядок в целом и амбивалентность — вот лишь самый общий перечень фундаментальных вопросов, позволяющих осмыслить современную реальность социологически.

Предлагаемая читателю книга З. Баумана — это еще одно подтверждение его приверженности постановке “классических” и социально-философских вопросов. Только на первый взгляд она может показаться обычным популярным введением в социологию, менее интересным по сравнению с его знаменитыми специальными работами. На самом деле это *принципиальное сочинение*, позволяющее составить

представление о том, что З. Бауман понимает под социологией как таковой. Правда, сам он во введении утверждает, что обращался к одним темам, опускал другие, несколько раз возвращался к третьим, исходя из основной задачи книги: быть социологическим комментарием к повседневной жизни, а не всеохватывающей картиной социологии. Отнестись к этому утверждению надо серьезно, но правильно оценить его можно только в связи с другими высказываниями З. Баумана о характере и задачах социологии. Он неоднократно акцентирует родство и тесную взаимосвязь социологии и обыденного знания. В самом конце книги он высказывается недвусмысленно: социология — обширный комментарий к опыту повседневной жизни. Так это и надо понимать: вся социология, а не только часть ее. Однако не следует думать, будто те области профессиональной работы социологов, которые не столь тесно соприкасаются с обыденным миром, объявляются им ненужными или неинтересными. Просто то, что касается повседневности, имеет совершенно особый статус в социологии. Говоря словами поэта, “здесь речь идет о праве первородства”.

“Социологический комментарий к повседневности” важен, по мысли автора, не только как теоретическая помощь, которую мы получаем от науки при объяснении происходящего. Социология выступает также в качестве важного ресурса индивидуальной вменяемости и свободы. Отдавая себе отчет в многообразии и обусловленности явлений социальной жизни, мы в значительной мере освобождаемся и от привычного автоматизма, и от внезапных аффектов в своем собственном поведении. Социолог наследует просветителю, но уже не *как законодатель*, а как *интерпретатор*, если вспомнить об одной из самых известных книг З. Баумана.

Обратим внимание прежде всего на сложность задачи, стоявшей перед автором. С одной стороны, он явно не собирался излагать только одну концепцию, “большую теорию”, будь то своя собственная или чья-то еще. Он стремился дать обобщенное знание, представление об основных моментах социологического мышления, черпая материал из многих источников. С другой стороны, само единство изложения, сведение многих концепций в рамках одной книги, одного круга рассуждений должны были бы внушить читателю мысль о некотором метатеоретическом единстве социологии. Однако это — по научным канонам — пришлось бы обосновывать в ходе сложной и нетривиальной процедуры кодификации научного знания, что явно противоречило бы основной интенции книги. А поскольку любая метатеория грозит обернуться либо сугубой формалистикой, либо “наиболее общей” и “единственно правильной” теорией, постольку возникает опасность утратить собственно предмет социологии или выступить с несоразмерными притязаниями. Все крупные современные теоретики решают эту проблему по-своему. Не составляет исключения и З. Бауман.

Для того чтобы оценить достоинства избранного им решения, обратим внимание на то, как мало в книге имен (не считая рекомендаций по дополнительному чтению, их всего шестнадцать, а за вычетом имен несоциологов — и того меньше). З. Бауман упоминает только “самых-самых” и только в том случае, если их концепции сыграли совершенно исключительную роль¹. Но главная особенность его заключается в том, что он иначе выстраивает аргументацию: идет не от теорий, а от проблем. Социология является особой дисциплиной (несмотря на всю сомнительность ее внутреннего единства, о чем так хорошо знают все современные теоретики), а социологическое мышление — специфическим способом мышления,

¹ Важно подчеркнуть, что это именно выбор, причем далеко не самоочевидный. Здесь скорее интересно, то, какие имена опущены. Если З. Бауман упоминает Г. Зиммеля и М. Вебера, а не К. Маркса, З. Фрейда, а не К. Г. Юнга, Н. Лумана и Т. Парсонса, а не Ю. Хабермаса и не П. Бурдьё, то уже одно это свидетельствует о многом. За каждым именем — не просто теоретический аппарат, но определенный способ проблематизации социальности.

потому что они особым образом проблематизируют социальную жизнь. Речь идет, подчеркивает З. Бауман, именно о проблемах, а не о решениях. Почти во всех случаях эта проблематизация имеет форму дихотомии, точнее оппозиции, пары противоположностей: “свобода и зависимость”, “вместе и врозь”, “власть и выбор”, “порядок и хаос”. Это именно социальные оппозиции², но в то же время — и конкурирующие перспективы рассмотрения социальности. Они выбраны в качестве лейтмотивов глав с тем, чтобы таким образом развернуть вокруг них целый веер определений, различений и наблюдений.

Так выстраивается не только картина социологического способа мышления, но и картина самой социальности. Пожалуй, если и можно было бы сделать какой-то упрек автору, то только разве что в недостаточно четкой пространственно-временной локализации его описаний. Строго говоря, речь в книге идет не об опыте повседневности вообще, а об обыденной жизни современного (“постсовременного”) Запада. Читая ее, мы узнаем себя и по-новому понимаем свою социальную жизнь в той мере, в какой она приближается к этому образу или совпадает с ним.

Новый, независимый взгляд на представляющиеся обыденному человеческому сознанию такими незыблемыми и естественно подавляющими индивидуальную свободу “воображаемые сообщества” и структуры “расколдовывает” их для нас и открывает новые перспективы человеческой свободы. В рабочем кабинете З. Баумана висит литография П. Пикассо с изображением Дон Кихота, сражающегося с мельницами. Если и можно предположить, что З. Бауман в какой-то мере отождествляет себя с этим образом (Culture, Modernity and Revolution: Essays in Honour of Zygmunt Bauman/Ed.by R.Kilminster, I.Varcoe. L.: Routledge, 1996. P. 7.), то наш современный социологический Дон Кихот сражается с ними не потому, что сам видит в них чудовищ, а потому, что хочет “расколдовать” их для нас, помочь нам взглянуть на мир свободно.

*А.Ф. Филиппов
С.П. Баньковская*

² Чтобы оценить этот момент, рекомендуем обратиться к тому фрагменту книги, где З. Бауман пишет о роли бинарных оппозиций в культуре.